

ДЫМ НАД ТАЙГОЙ

Роман

ВСТРЕЧА

Секретарша Машенька была явно взволнована. Остудин это понял, едва ступив на порог приемной. В этот день он появился в своем кабинете часов в одиннадцать. С утра разбирался с транспортным цехом. На буровой у Федякина почему-то не оказалось солярки, и транспортники не подвозили ее. Надо было принимать срочные меры, чтобы не остановить буровую. Толкнув дверь приемной, он, как всегда, начал расстегивать полушубок, который вешал в шкаф рядом с Машенькиным пальто.

— Вам сегодня несколько раз звонили из райкома, — трагическим тоном объявила Маша. — Сказали, чтобы в два часа явились туда.

— Прямо так и сказали? — ее перепуганный вид почему-то развеселил Остудина.

Машенька покраснела и ответила менее уверенно:

— Может, и не так, но что в два часа — это точно...

— Это в суд являются, в прокуратуру... В райком, милая Машенька, приглашают, — улыбнулся Остудин. — Больше никто не звонил?

— Никто.

Остудин прошел в кабинет, сел за стол, подвинул к себе стопку лежащих на краю бумаг. Но рассматривать не стал. В голове вертелся недоуменный вопрос: «Зачем вызывают? Что им от меня нужно?» В экспедиции было много нерешенных дел, и отрываться от них даже на полдня он считал неразумным. Поразмыслив несколько мгновений, решил позвонить Краснову. Но тот сам появился в дверях и прямо с порога спросил:

— Тебе секретарша передала насчет райкома?

— Передала, — нахмурился Остудин. — А что там случилось?

— Как что? — удивился Краснов. — Ты же теперь номенклатура. А номенклатуру должны утверждать на бюро. Кстати, полетим вместе, я тоже должен там присутствовать.

Остудин понял, что лететь придется, и попросил Машу разыскать Кузьмина. Надо было оставить ему несколько поручений.

В Андреевское прилетели за полтора часа до начала бюро райкома. В аэропорту их никто не встречал, поэтому к главному зданию «нефтяной столицы», как в шутку называли геологи районный центр, направились пешком. День был солнечный, но морозный, как часто случается в начале весны. Снег переливался ослепительным блеском, наполняя воздух запахом свежести.

— Ты как хочешь, а я пройду по поселку, — сказал Остудин, посмотрев на часы. — Я здесь первый раз. Заодно и пообедаю.

Краснов свернул в первый же переулок, а Остудин направился дальше, рассматривая «нефтяную столицу». Она оказалась одноэтажной и деревянной и ничем не отличалась от остальных поселков сибирского Севера. Разве что улиц было побольше. Остудин, не торопясь, шагал мимо крепких, срубленных из лиственницы и сосны домов. Первые из них были поставлены здесь еще в начале двадцатого века. Они до сих пор казались прочными, лишь почернели от времени и ненастья. Ни на одном из домов он не увидел ставень на окнах и подумал, что народ в Андреевском живет открыто.

Из улиц Остудин выбрал ближнюю к реке. Она пролежала по высокому берегу, под которым, уткнувшись носами в яр, лежали перевернутые вверх днищами, засыпанные снегом лодки. Некоторые из них угадывались только по контурам сугробов. Рядом с ними мерзли на берегу несколько катеров. За рекой простиралась пойма. Летом — смесь водного зеркала с зеленью тальника. Зимой — бесконечное белое безмолвие. Оно выглядело настолько негостеприимным, что Остудину невольно показалось, будто лодки на берегу обозначают границу жизни. Пространство за ними было абсолютно мертвым.

Несколько минут Остудин вглядывался в горизонт, пытаясь найти там хоть какие-нибудь признаки жизни. Темный дымок над кабиной пробирающегося по глубокому снегу трактора или контуры буровой вышки. Он знал, что за границами этого безмолвия должны работать его буровики. Но ни дымка, ни вышки не было видно.

Дымки вились над крышами домов растянувшейся вдоль берега улицы. Они доносили до Остудина ни с чем не сравнимый запах березовых дров.

Проследив за тем как, постепенно растворяясь, дымки поднимаются к небу, он повернул к центру поселка. Все главные учреждения его находились на одной улице. Еще издали он увидел двухэтажное здание с палисадником, перед которым стояла скульптура Ленина. Остудин понял, что это здание принадлежит райкому.

Времени до начала бюро было много, поэтому он решил пообедать. Тем более что на завтрак была всего чашка кофе и бутерброд с сыром. «Где-то рядом должна быть столовая», — подумал Остудин, шагая вдоль домов наугад. Миновал еще одно двухэтажное здание, на стене которого красовалась вывеска: «Редакция газеты «Северная звезда». Газеты его не интересовали, Остудин, отвернувшись, пошел дальше. У калитки следующего дома прямо на тротуаре лежала мохнатая серая собака. Когда Остудин, поскрипывая снегом, подошел к ней, она лишь приподняла одну бровь, скользнула по нему равнодушным взглядом и снова закрыла глаза. Он понял, что она не уступит ему дорогу. Обойдя собаку, он прошел еще один дом и увидел длинное здание с высокими окнами. Над его крыльцом была приколочена большая вывеска с надписью «Столовая».

Остудин вошел. Посетителей в зале не было, и это удивило его — шел обеденный час. Но он тут же подумал, что в селе люди обедают в основном дома. За раздаточной линией стояла женщина, и Остудину показалось, что она внимательно рассматривала его, когда он снимал шубу.

— Чем сегодня угощаете? — спросил он, подойдя к раздатке.

— Что в меню есть, тем и угощаем, — сухо ответила женщина.

Остудин с любопытством посмотрел на нее. Она была крупной, полногрудой, с выпирающим животом и полными руками. Ее равнодушные, неопределенного цвета глаза смотрели в пространство. И Остудину показалось, что ни до него, ни до других посетителей ей нет никакого дела.

Меню было скудным. На первое — суп с перловкой, на второе — котлета и жареный карась. Зато цены оказались, как в московском ресторане «Пекин», где Остудину два года назад довелось обедать. Котлета шла по цене трепанга, карась приравнивался к запеченной на рожне форели. И он подумал о том, что до сих пор не выбрал времени подробно поговорить с заведующей столовой в Таежном. Там и выбор блюд был несравненно богаче, и цены намного ниже. А ведь условия работы абсолютно одинаковые. «Хлещется Мария Алексеевна с утра до вечера, — пронеслось у него в голове, — а я смотрю на ее работу как сторонний наблюдатель, словно меня это совсем не касается». Бросив еще раз беглый взгляд на меню, он выбрал суп и карася.

Суп оказался мутным, клейким и совершенно пресным. Остудин отхлебнул две ложки, отодвинул тарелку и протянул вилку к карасю. Он был не то что недожаренным, просто испохабленным. Рыбьи бока не лоснились гладкой позолотой, а были выщерблены, и из щербин торчали острые поломанные ребра. Остудин в детстве, как и все мальчишки, был рыбаком. Ему приходилось жарить улов на сковородке, в которую вместо масла наливали воду. Именно при таком способе рыба получала щербины и становилась неказистой. «Воруют, сволочи, не зная никакой меры, — подумал он. — Масла в сковородку даже для видимости не кладут».

Взяв тарелку с карасем, он пошел к кухонной стойке, но там уже никого не было, и он обратился в пространство:

— Люди добрые, есть здесь кто-нибудь?

Из-за перегородки вышла раздатчица, уперев руки в бока, встала против Остудина:

— Чего тебе надо?

— Доведите этого карася до ума, он не прожарен, — Остудин протянул ей тарелку.

— Как не прожарен? — даже не посмотрев на карася, сказала раздатчица. — Для всех прожарен, а для тебя нет?

Трудно сказать, чем бы закончилась перепалка, но в это время из подсобки появилась другая женщина, с высокой прической, одетая в толстую шерстяную кофту, расписанную замысловатым орнаментом.

— Антонина, перестань зубатиться, — сказала она строго. — Поджарь новую рыбу.

Повариха взяла тарелку и, недовольно ворча, направилась к плите. Женщина говорила властно, и Остудин по тону определил в ней начальницу.

— Трудно вам с ней? — кивнув в сторону поварихи, сочувственно спросил он.

— Чего-чего, а характера ей хватает. Но другого повара у нас нет...

Как оказалось, Остудин действительно говорил с заведующей столовой, женщиной деловой, а главное — сообразительной. Шестым чувством она угадала в нем не просто командированного, который сегодня приехал, а завтра уехал, и никогда его больше не увидишь, а человека при должности, может, даже нового начальника Таежной нефтеразведочной экспедиции. О его появлении в райцентре уже несколько дней ходили слухи.

— Может, вам запечь карася в сметане? — предложила заведующая.

— Не стоит, пожалуй, да и времени у меня не так много, — оценив ее внимательность, ответил Остудин. — А нельзя ли организовать чашечку кофе?

Заведующая не успела ответить. Дверь распахнулась и в столовой появилась женщина, встретить здесь которую Остудин никак не ожидал. Она была в высокой шапке из черных, пробитых редкой проседью соболей, и роскошной, нараспашку, шубке. Остудин обратил внимание на ее легкую блузку и тонкую, чуть ниже колен, юбку. Женщина была молодой и очень красивой. Стуча каблучками сапог, она направилась прямо к нему. «Каким ветром ее занесло сюда? — подумал он и тут же сообразил: — Наверное, из райкома. Краснов знает, где я могу быть, вот и послали. Видимо, у них что-то изменилось»...

Но он ошибся. Женщина оказалась Татьяной Владимировной Ростовцевой, заведующей отделом районной газеты «Северная звезда». Отрекомендовавшись, она посмотрела на Остудина смеющимися глазами и спросила:

— Вы Остудин, если я не ошибаюсь? Новый начальник экспедиции?

— У меня на лбу написано, что ли? — ответил Остудин, ощупывая собеседницу глазами с ног до головы. Это не ускользнуло от ее взгляда.

— Да нет, — сказала она, запахивая шубку. — Все гораздо прозаичней. Пять минут назад мне позвонил ваш секретарь парткома, предложил: «Хотите познакомиться с новым начальником экспедиции? Он прилетел в райком на утверждение. Фамилия его Остудин, зовут Роман Иванович. Сейчас, по всей видимости, должен быть в столовой. Времени у него нет. Если хотите застать, поторопитесь».

— Вы считаете, что такое знакомство необходимо? — спросил Остудин, которому показалось, что где-то он уже видел эту женщину.

— Этот вопрос должна была бы задать вам я, — сказала Татьяна, почувствовавшая настороженность нового начальника. — Вы, по всей видимости, думаете, что у газетчика должна быть какая-то корысть?

— Бескорыстие — понятие условное. В такой обстановке, — он обвел глазами зал, — как правило, знакомятся с какой-то целью.

— Цель, конечно, есть, — согласилась Татьяна. — В нашем районе самые крупные предприятия — нефтеразведка и рыбозавод. И со стороны газетчиков к ним, естественно, самое пристальное внимание.

— Я ни в чьем внимании не нуждаюсь, — сухо ответил Остудин. — Чем меньше внимания, тем спокойнее работать.

Ростовцева осеклась, будто с разгона наткнулась на бетонную стену. На несколько мгновений ступевалась, не зная, как воспринять сухость Остудина. То ли это разделительная черта, которая раз и навсегда определит их отношения, то ли короткая вспышка, продиктованная неизвестным ей раздражением. Та самая, о которой говорят: попал под горячую руку.

Остудин выжидательно смотрел на Татьяну. Она обратила внимание на его высокий лоб и мужественное лицо, на внимательный прощупывающий взгляд. Но когда увидела чуть тронутые улыбкой губы, в ней закипела злость. «Плевала я на тебя, господин начальник. Надо бы тебе понять, что не Татьяна Ростовцева хочет с тобой познакомиться, а газетчица, которой часто придется прилетать в твое хозяйство. И чем лучше будут у тебя отношения с газетчиками, тем больше пользы для обеих сторон». Но тут же, смирив себя, сказала совсем другое:

— Вы, видимо, неправильно истолковали мое появление. Я пришла не устанавливать личное знакомство, а наводить мосты. Раз уж вы оказались в Андреевском, не грех было бы и познакомиться. Нам, газетчикам, в вашей экспедиции приходится появляться часто. Кстати, Краснов сказал, что в столовую вы пошли набираться сил перед утверждением. Не боитесь?

— Чего? — не понял Остудин.

— Что могут не утвердить.

— Такого не бывает, — сказал он и засмеялся. — Утверждают ведь уже после назначения. Если бы не хотели утверждать, не вызывали бы в райком.

— Выходит, как на выборах в райсовет? — Татьяна тоже улыбнулась.

— Что вы имеете в виду? — спросил Остудин.

— Там ведь тоже сначала в райкоме решат, кто будет депутатом, а потом этого человека выдвигают в депутаты.

— А вы сердитая, — заметил Остудин.

— Просто решила для себя открыто выражать собственное мнение там, где это возможно.

Татьяна говорила сухо, и Остудину стало неудобно за свою неоправданную вспышку. «Чего это я сегодня такой нервный? — подумал он. — Нельзя же так разговаривать с женщиной. Тем более первый раз».

— Вы давно работаете в газете? — спросил он и сразу вспомнил, где видел ее. Она была в приемной Батурина, когда Остудин выходил от него.

— Давно.

— Распределили после института?

— После университета, — поправила Татьяна. — И не распределили, сама попросилась. К мужу.

— Он у вас работает в райкоме?

— Почему вы так думаете? — Татьяна засмеялась. Сама мысль о том, что Андрей может работать в райкоме, показалась ей нелепой. — Он у меня летчик. Летаёт на АН-2.

И тут Остудина словно обожгло. «Так это о ней написано в письме, адресованном еще Барсову? — подумал он. — Вот, оказывается, ты какая, Татьяна Ростовцева». Он посмотрел на нее так, словно она только что предстала перед ним. Это не ускользнуло от ее внимания.

— Вы знаете моего мужа? — спросила Татьяна, насторожившись.

— Нет, еще не успел познакомиться, — и, чтобы уйти от разговора, который не хотел вести, спросил: — Вам нравятся ваша работа?

— Если правду, то очень, — искренне призналась Татьяна. — Журналист всегда среди людей. Он много видит, может сравнивать, делать выводы. А вам ваша работа?..

— Я тоже среди людей, — заметил Остудин.

— У вас другое, — она сделала паузу, задумалась: — На ваших плечах коллектив, который вы должны вести к определенной цели. И ваша задача — подчинить этой цели действия всех, от буровика и тракториста до главного геолога. А я своего рода свободный художник.